

Культурно-просветительные, научные и благотворительные общества нередко брали на себя выполнение важных государственных задач — осуществляли социальную помощь нуждавшимся в ней, вели научные исследования, занимались образовательной деятельностью. Они воспитывали в горожанах инициативу, чувство причастности к местным заботам и нуждам, учили добиваться этого самостоятельно, без участия государственных органов власти.

Таким образом, под воздействием модернизационных процессов в Томской губернии происходит эволюция духовных и социальных ценностей граждан в связи со складыванием институтов гражданского общества. В крае, где всегда остро не хватало высокообразованных кадров, передовые люди постепенно начинали понимать значение образования и роль образованного человека в развитии благосостояния и в подъеме культурного уровня жизни населения Сибири, поэтому здесь, вслед за Европейской Россией, складывается традиция жертвовать средства на народное просвещение.

Примечания

¹ Черняк Э.И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 — ноябрь 1918 года). Томск, 2001. С. 25.

² Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; JL, 1930. С. 120, 230.

³ Турчанинов Н.В. Население Сибири // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. I. С. 75, 88.

⁴ Документ о численности и составе населения России накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Исторический архив. 1962. № 5. С. 81.

⁵ Волков Е.З. Указ. соч. С. 271.

⁶ Города Сибирского края // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. I. Стб. 705–706.

⁷ Зверев В.А. Особенности естественного движения городского и сельского населения Сибири (конец XIX — начало XX в.) // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984. С. 104.

⁸ Ставровский Я.Ф., Алексеев В.В. Переселение в Сибирь. СПб., 1906. С. 12–14.

⁹ Соколов М.П. Беженцы и выселенцы // ССЭ. Новосибирск, 1929. Т. I. Стб. 263.

¹⁰ Зиновьев В.П. Рабочие Сибири в 1907–1917 гг. // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979. С. 34.

¹¹ Дмитриенко Н.М. О социальном составе населения Томска (конец XIX в. — 1917 г.) // Рабочие Сибири в конце XIX — начале XX вв. Томск, 1980. С. 143; Дмитриенко Н.М. Социальная структура населения Бийска в конце XIX — начале XX вв. // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984. С. 55; Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А. Так начинался Новосибирск. Новосибирск, 1983. С. 80.

¹² Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 211.

¹³ Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. (облик, организации и революционные связи). Томск, 1978. С. 16–18.

¹⁴ Косых Е.Н. Культурно-просветительная деятельность среди рабочих Сибири накануне Февральской буржуазно-демократической революции // Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны. Томск, 1982. С. 17–18.

¹⁵ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 6533. Л. 2.

¹⁶ Адресно-справочная книжка «Весь Томск» на 1911–1912 гг. / Сост. Г.В. Чавьякин. Томск, 1911. С. 83–110.

*М.А. Фельдман
(Екатеринбург)*

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА К 1917 г.*

Вопрос о социальном составе российского общества накануне революции 1917 г. давно является одним из самых дискуссионных в российской историографии.

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-83105а/У.

Основополагающим принципом советской историографии было признание наличия в обществе сформировавшихся классов буржуазного общества. Эту же точку зрения высказывают и историки, продолжающие придерживаться марксистских взглядов. Заметим, что в советской историографии звучали и иные мнения. В 60–80-е гг. в исторической литературе можно было выделить два подхода к оценкам степени зрелости капиталистических отношений на Урале. По мнению М.П. Вяткина, Ф.П. Быстрых, Д.В. Гаврилова и Ю.А. Буранова, в экономике и социальных отношениях Урала уже в конце XIX в. развитие капитализма на Урале ничем не отличалось от других промышленных центров. Правда, замолчать специфику Урала было сложно, и тогда вырывались весьма любопытные признания, вроде слов Ф.П. Быстрых: «Предприятия посессионных округов не случайно оказались отсталыми. Феодально-крепостнические пережитки в течение многих десятилетий здесь проявились в самой девственной [! — *М.Ф.*] форме. Это сдерживало развитие производительных сил»¹.

Историки, строящие свои подходы на базе признания зрелости капиталистических отношений в промышленности Урала, как и прежде, формируют выводы на базе ленинского теоретического наследия². Время мало чему научило последователей формационно-ортодоксального подхода: вопрос о наличии на Урале предпосылок для социалистической революции и построения социализма у них не вызывает сомнения. Можно было бы отметить стойкую верность принципам марксизма, если бы не одно «но»: в работах удивляет пренебрежение к комплексному изучению статистических материалов. При этом, как подметила в одной из своих последних статей яркая исследовательница промышленного Урала Л.В. Сапоговская, критика последователей ученых «нового направления» опирается на удручающую ограниченность научно-справочного аппарата³.

Иную концепцию выражали историки уральской школы В.В. Адамова (В.В. Адамов, Л.В. Ольховая, Т.К. Гуськова, и др.). Адамов сформулировал вывод о существовании в регионе «оригинального строя» горнозаводской промышленности, основными чертами которого являлись крупное землевладение заводчиков, а затем сменивших их акционерных кампаний; вотчинный характер строя промышленности, вытекающий из окружной организации заводского хозяйства. Он критиковал тех историков, которые считали, что промышленность Урала, как и России в целом, в конце XIX в. носила капиталистический характер. В.В. Адамов указывал на незавершенность процесса формирования пролетариата, и, как следствие, на близость положения промышленных рабочих с основной массой горнозаводского населения⁴. Концепция, отстаивающая наличие на Урале в начале XX вв. «чистого» пролетариата, подчеркивал В.В. Адамов, упрощает и схематизирует всю сложность общественных отношений. Среди историков, придерживающихся догматической точки зрения, В.В. Адамов называл Ф.П. Быстрых и Д.В. Гаврилова⁵. Научность взглядов В.В. Адамова была доказана на уральском⁶ и на общероссийском материалах⁷. В этой связи следует поддержать вывод В.В. Алексеева о том, что «искать завершенность промышленного переворота в уральской металлургии в XIX в. бессмысленно»⁸. Вывод, замечу, дезавуирующий научную ценность трудов, построенных на признании завершения промышленного переворота на Урале в 90-е гг. в XIX в. и, как следствие, формирование в регионе рабочего класса индустриального типа⁹.

Своеобразным подведением итогов развития исторической науки за постсоветский период стали круглые столы ведущих историков страны, проведенные в 2007 г.⁹ и 2008 г.¹⁰ редколлекцией журнала «Отечественная история» и учеными Института российской истории РАН.

В выступлении главного редактора журнала «Отечественная история» А.Н. Медушевского — по сути, начинавшего и завершавшего дискуссии — прозвучал следующий вывод по интересующей нас проблеме. «Отказ от классовой теории и попыток ее механического применения к материалу источников ставит проблему реконструкции реальной социальной структуры и ее эволюции. В современной науке четко показаны различия между искусственно сконструированными исследовательскими категориями (как например "класс") и реально существующими направлениями социального деления, получившими отражение в правовых актах, других источниках социальной практики (сословия, чины, касты, группы, различающиеся степенью и характером социальной зависимости и т.п. более дробные социальные категории»¹¹. Вывод А.Н. Медушевского имеет глубокое методологическое значение, призывая историков сконцентрироваться на изучении исторически конкретных социальных групп.

Сопоставление истории промышленного переворота за рубежом и в России¹² подводит к выводу о специфике нашей страны: индустриализация в силу огромной территории Российского государства длительный срок могла носить «островной», локальный характер с волнообразной технической революцией. «Островная» индустриализация в государстве с высокой степенью централизации позволяла России выдерживать противоборство с развитыми странами Запада.

Пребывание России — и в еще большей степени Урала — на начальном этапе капиталистического развития отчетливо прослеживается при рассмотрении параметров социальной структуры.

Показатель доли городского населения на Урале составлял 5,4 % (1897 г.), в то время как в Европейской России он равнялся 12,9 %. Даже в наиболее развитой в промышленном отношении Пермской губернии доля городского населения не превышала 6 %. Крупнейшие города Урала были невелики: в Оренбурге проживало 72,4 тыс. чел., Уфе — 49,3 тыс., Перми — 45,2 тыс., в Екатеринбурге — 43,2 тыс., в Вятке — 25 тыс. Некоторые уральские города (Камышлов, Верхотурье) по своей экономической структуре больше напоминали сельские поселения с длинными улицами, состоящими из изб с палисадниками. Около 7 % населения Урала проживало в заводских поселках, — поселениях, по внешнему виду более близким к селам, нежели к городам¹³.

Основными сословными группами городского населения Урала, согласно материалам переписи 1897 г., выступали мещане (43,4 %) и крестьяне (42,6 %). Только 10,6 % городского населения Урала относились к привилегированным сословным слоям. В составе же всего уральского социума на долю этих слоев приходилось менее 2 %. Рассмотрение профессионального состава уральского городского населения и сравнении с общероссийскими данными позволяют заключить, что при сходстве процессов урбанизации в крае и по России в целом, уральские города по ряду параметров отставали на пути капиталистического развития и развивались не как крупные

индустриальные центры, а в большинстве своем как торгово-посреднические и административные поселения.

За 1897–1914 гг. удельный вес горожан на Урале в общей численности населения региона вырос незначительно: с 5,4 % в 1897 г. до 7 % на 1 января 1915 г. Для сравнения отметим, что аналогичный показатель в 1914 г. составлял: в Российской империи (с Финляндией) — 15,3 % (то есть вдвое выше уральского), во Франции — 41,2 %, в США — 41,5 %, в Германии — 56,1 %, в Англии — 78 %¹⁴.

Среди горожан Урала 42,6 % жителей являлись крестьянами по сословному происхождению. Суммарная численность работников просвещения, медицины, науки и культуры, юристов Урала составляла: 6,7 тыс. в городах (1,25 % городского населения) и 9,9 тыс. в сельской местности (0,1 % населения). Доля представителей уральского духовенства, дворянства, купечества не превышала 10 % от числа жителей городов, или около 1 % от численности населения края. На буржуазию, помещиков, высшее и среднее чиновничество приходилось 1,65 % населения¹⁵. Эти слои и составляли значительную часть уральской элиты. Таким образом, представители образованных сословий составляли незначительную группу населения, что затрудняло культурное влияние этой категории лиц на основную массу уральцев.

Рабочий социум в общей массе населения был относительно невелик: рабочие ценовой промышленности (без учета занятых на вспомогательных работах за пределами предприятий) составляли, по нашим подсчетам, 4 % самостоятельного населения Урала в 1913 г. Более того, в городах Урала обитали, как правило, рабочие немногочисленных коллективов предприятий легкой и пищевой отраслей. Рабочие крупной промышленности региона, преимущественно, размещались в заводских поселках, численность населения которых на 21 % превышала городское население. Замкнутость заводских поселков внутри горнозаводского округа затрудняла общение рабочих как с горожанами, так и, в меньшей степени, с крестьянами. Рабочие индустриального типа составляли меньшинство среди промышленных рабочих Урала — не более 20 %¹⁶.

Большее влияние на пролетариев, проживавших в поселках, могли оказывать соседи: кустари, ремесленники, а также слой служащих, — к 1917 г. на заводах и рудниках насчитывалось до 20 тыс. канторских служащих. Как видно, численность представителей только формирующихся классов буржуазного общества была невелика. Сводную картину сословной структуры уральского общества к началу I Мировой войны дает табл. 1.

Таблица 1

Сословная структура населения России и губерний Урала по данным на 1 января 1915 г., %

Сословие	Россия	Пермская	Вятская	Оренбургская	Уфимская
Дворянство	1,5	0,6	0,3	0,8	0,7
Духовенство	0,5	0,4	0,5	0,4	0,2
Почетные граждане	0,5	0,3	0,2	0,4	0,2
Мещанство	10,7	3,3	1,7	10,7	4
Крестьянство	77,1	95,2	97,2	64,2	94,7
Казачество	2,3	—	—	22,8	0,1

Источник: Статистический ежегодник России на 1915 г. Пг., 1916. С. 85–86.

Незавершенность промышленного переворота на Урале обусловила явление, которое только внешне казалось парадоксом: на Урале — известном в качестве гор-

нозаводского края — удельный вес крестьянства в крае был выше, чем по России в целом. В силу этого, население Урала представляло собой, преимущественно, аграрное общество. Не являлась исключением и Оренбургская губерния, для которой характерно было сочетание трехсоттысячного населения городских поселений и 600 тыс. казаков, занимавшихся преимущественно сельскохозяйственным трудом.

Таким образом, общим для характеристики социальной структуры Урала и России являлось преобладание групп сословного общества; доминирование крестьянства в составе населения; невысокий удельный вес городских слоев.

Примечания

¹ Победа Октябрьской социалистической революции на Урале / Под ред. Ф.П. Быстрых. Свердловск, 1967. С. 14.

² См., напр.: Гаврилов Д.В. Диссидентская «теория многоукладности»: испытание временем на достоверность и жизнеспособность // Урал индустриальный. Бакунинские чт. Материалы V регион. науч. конф. Екатеринбург, 2003. С. 5–22.

³ Сапоговская Л.В. Уральские горнозаводские округа в новейшей региональной историографии: аргументы в разворачивающейся дискуссии // Россия и Урал в годы войны и мира. XX век. Сб. ст. Екатеринбург, 2006. С. 137.

⁴ Адамов В.В. Социально-экономическое развитие Урала накануне революции 1905–1907 гг. Свердловск, 1956. С. 13–16, 18.

⁵ Адамов В.В. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала // Рабочий класс и рабочее движение в России. М., 1966. С. 164.

⁶ См.: Фельдман М.А. Численность и состав рабочих крупной промышленности Урала в 1914–1922 гг. // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 110–120.

⁷ См.: Фельдман М.А. Промышленные рабочие России в начале XX в. // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 20–35.

⁸ Алексеев В.В. Протоиндустриализация на Урале // Экономическая история России XVII–XX вв.: динамика и институционально-социокультурная среда. С. 77.

⁹ На таком фундаменте в частности построена монография Д.В. Гаврилова (см.: Гаврилов Д.В. Рабочий класс Урала в период монополистического капитализма (1861–1900 гг.). М., 1985).

¹⁰ См.: Отечественная история. 2007. № 5.

¹¹ См.: Отечественная история. 2008. № 5.

¹² Медушевский А.Н. Аналитическая история: журнал и приоритетные направления его развития // Отечественная история. 2008. № 5. С. 11.

¹³ См.: Новая и новейшая история. 1984. № 2. С. 70–92.

¹⁴ Алферова Е.Ю. Профессионально-классовый состав городского населения Урала в пореформенный период // Промышленность и рабочий класс Урала в период капитализма. 1861–1917 гг. Свердловск, 1991. С. 77.

¹⁵ Подсчитано по: Статистический ежегодн. России на 1915 г. Пг., 1916. С. 35, 40, 41, 46, 61.

¹⁶ Подсчитано по: Алферова Е.Ю. Профессионально-классовый состав городского населения Урала в пореформенный период. С. 77, 88.

¹⁷ См.: Фельдман М.А. Численность и состав рабочих крупной промышленности Урала в 1914–1922 гг. // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 110–120.

*А.В. Чащин
(Екатеринбург)*

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИРБИТА В 1897–1920 гг.

Первая всероссийская перепись, совпавшая по времени проведения с ярмаркой, зафиксировала в Ирбите 20062 чел. наличного населения¹, куда попали как постоянные жители города, так и те, кто приехал на ежегодную ярмарку. По воспоминаниям современников, численность населения города в этот период практически удваивалась². В связи с этим особый интерес представляет вопрос о численности постоянно-го населения города. Также одним из важных аспектов в истории города является